

Коммуникативный мир фразеологии

Рецензия на монографию: Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении¹

Новизна и актуальность лингвистического исследования давно уже зависит не от новизны объекта исследования, поскольку за время развития языкознания как науки практически не осталось таких языковых феноменов, которые еще не были бы предметом изучения, а от нового подхода, свежей точки зрения, стремления пересмотреть систему устоявшихся понятий и сведений, дающих неожиданные и новаторские результаты. Это может быть сказано и о рецензируемой монографии А.М. Эмировой «Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении» (Симферополь: Научный мир, 2020. 228 с.), представляющей собой глобальное описание русской идиоматики в коммуникативно-прагматическом аспекте. До сих пор фразеологическая единица русского языка как сложный в структурно-семантическом плане объект не рассматривалась комплексно с точки зрения выполнения коммуникативной функции — и в этом актуальность работы, ее новизна и теоретическая ценность. Исследователем, по сути, создана система анализа и описания идиоматики — коммуникативной фразеологии.

Ключевые слова: коммуникативная лингвистика, фразеология, фразеологическая единица, идиома, когнитивизм, коммуникативные функции фразеологии.

The novelty and relevance of linguistic research in our time has long been dependent not on the novelty of the object of research, since during the development of linguistics as a science, there are practically no such linguistic phenomena that have not yet been the subject of study, but from a new approach, a fresh point of view, a desire to revise the system well-established concepts and information, giving unexpected and innovative results. This can be said about the monograph under review by A.M. Emirova "Russian phraseology in communicative and pragmatic coverage" (Simferopol: Scientific World Publishing House, 2020. 228 p.), which presents a global description of Russian idioms in a communicative-pragmatic aspect. Until now, the phraseological unit of the Russian language as a structurally-semantic complex object has not been considered comprehensively in terms of performing a communicative function — and this is the relevance of the work, its novelty and theoretical value. The researcher, in fact, created a new system for the analysis and description of idioms — communicative phraseology. The emergence of such a new direction can only be welcomed.

Keywords: communicative linguistics, phraseology, phraseological unit, idiom, cognitivism, communicative functions of phraseology.

Последняя четверть прошлого века в лингвистике ознаменовалась особым интересом к человеческому фактору в речевой деятельности, что остается и в наши дни ее исследовательской доминантой. Многоаспектный подход к анализу основной — коммуникативной — функции языка позволяет раскрыть его онтологические особенности как специфически человеческого феномена. Все в языковой системе, в том числе и во фразеологии (resp. идиоматике), детерминировано основной функцией языка — быть средством формирования и выражения когнитивного и эмоционального содержания.

Когнитивная лингвистика активно формировалась в рамках коммуникативной лингвистики с середины 1970-х гг. Именно 1970–1980-е гг. стали периодом активной разработки коммуникативного подхода. Функциональная грамматика, лингвистика текста, логический синтаксис, теория референции, семиологическая грамматика, теория номинации и ономазиология, лингвистическая прагматика, теория речевой деятельности и др. — все эти научные направления стали звеньями более общей дисциплины, получившей наименования «когнитология», «когнитология» и «когнитивистика».

Автор рецензируемой монографии была не только свидетелем, но и участником развития этой дисциплины, дающей адекватное описание всех уровней функционирующего языка. Фразеология

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 20-18-00091).

стала для А.М. Эмировой основным полигоном для изучения когнитивных особенностей языковой системы. Уже в работах 1970–1980-х гг. ею были поставлены и в определенной степени решены некоторые проблемы коммуникативной фразеологии как значимой составляющей коммуникативной лингвистики в целом [1–6]. Монография А.М. Эмировой «Русская фразеология в коммуникативном аспекте» [7] в 1980-е гг. не только стала обобщением ее предварительных наблюдений по этим актуальным проблемам, но и вдохновила ряд последователей. В.Н. Телия, во многом разделявшая теоретические постулаты этой книги самаркандской (в советское время) исследовательницы, замечает:

Как пишет А.М. Эмирова, книга которой как бы завершает постклассический период развития фразеологии и выдвигает новые для нее задачи, коммуникативный анализ идиом предполагает описание всех их «составляющих» – содержания, структуры и употребления в речи – в свете выполнения ими коммуникативной функции, понимаемой как интегральное целое: формирование и передача знаний о реальной действительности, коммуникативные интенции говорящего и прагматический эффект [8. С. 44].

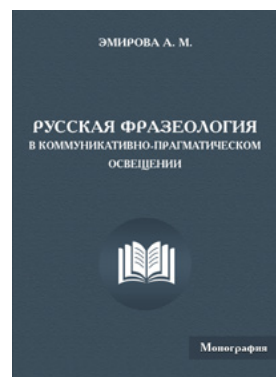
Ссылка на эту монографию сделана В.Н. Телией и в энциклопедии «Русский язык», где отмечается, что в 1970–1980-е гг. «особое внимание уделяется семантике фразеологизмов, их номинативному и коммуникативному аспектам (В.Н. Телия, А.М. Эмирова)» [9. С. 609].

За истекшее тридцатилетие фразеология продолжала развиваться как одна из важных составляющих когнитивизма. И А.М. Эмирова за это время значительно расширила диапазон своих исследовательских интересов, неизменно продолжая оставаться «в тренде» современной лингвистики, о чем свидетельствует библиография трудов, изданная к ее юбилею в 2008 г. [10]. Рецензируемая монография симферопольской исследовательницы подводит своеобразный итог значимому периоду в истории развития фразеологии с попыткой на материале идиоматики поставить и решить такие общетеоретические проблемы, которые до сих пор остаются в центре внимания когнитивистики как комплексной науки о функционирующем языке, языке в действии.

Широкая постановка целей и задач исследования А.М. Эмировой обуславливает широкий охват явлений фразеологической семантики, концентрацию внимания автора на узловых, наиболее сложных проблемах фразеологии: структуре фразеологического значения, частеречной классификации идиом, фразеологической ономазиологии, фразеологической идеографии и др. Адекватность решения поставленных проблем и достоверность теоретических положений основывается на мощной «базе данных» монографии: в картотеке автора находятся освоенные ею около шести тысяч идиом русского языка более чем в десяти тысячах употреблений. Следует отметить обеспечивающую объективность выводов работы гомогенность, чистоту объекта исследования, т.к. в монографии рассматриваются только (по терминологии В.В. Виноградова) фразеологические срращения и фразеологические единства.

Содержательны и актуальны все пять глав монографии.

После лапидарного предисловия об истоках когнитивной лингвистики автор трактует в первой главе (с. 16–24)² идиоматику как объект коммуникативной лингвистики. Во второй главе «Природа фразеологического значения и его структура» (с. 25–78) анализируется семантическая специфика

Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении. — Симферополь : Научный мир, 2020. — 228 с.

Emirova A.M. Russian phraseology in communicative and pragmatic coverage. — Simferopol : Scientific World, 2020. — 228 p.

ISBN 978-5-6042514-5-4
(Научный мир)

² Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы рецензируемого издания.

фразеологизмов, обусловленная компонентной расчлененностью этой единицы и ее прагматической функцией:

Фразеологические единицы (идиомы), как и слова, выполняют фактически весь репертуар языковых функций: конститутивную (функцию сообщения), субфункции — обозначения (номинативную), обобщения (сигнификативную), символическую и др., а также эпифункции — прагматические функции экспрессивного выражения, эмоционального воздействия, фатическую, эстетическую и др. Коммуникативная функция фразеологических единиц определяется их ролью в качестве и в составе предикативных единиц в речи: в системе языка основная масса идиом представляет собой пропозитивные свертки с признаковым значением (так называемое первичное — семиотическое — означивание), легко развертывающиеся в речи в пропозитивное ядро высказывания, определяющее его актантную конфигурацию (с. 48).

Одной из важнейших семантических функций фразеологии признается и кумулятивная функция — функция фиксации и накопления в своем содержании общественно значимого опыта, информации о постигнутой действительности [11. С. 92]. Особое внимание справедливо отводится прагматическим функциям фразеологических единиц, поскольку они не только обозначают и называют объекты действительности и понятия о них, но и являются специальным языковым средством для выражения разнообразных эмоциональных и оценочных отношений говорящего ко всему, что происходит в его внутреннем мире или вне его. К прагматическим функциям А.М. Эмирова относит и императивную, т.е. функцию воздействия (в том числе и эмоционального) говорящего на слушающего. Не оставляет без внимания автор монографии и проблему семантической специфики слов, являющихся компонентами идиомы.

Глава 3 (с. 79–117) посвящена классификации семантико-грамматических (частеречных) разрядов фразеологических единиц в коммуникативном аспекте. Анализируются субстантивные фразеологизмы с идентифицирующим значением, идиомы с предикатным значением, модальные и междометные фразеологические единицы. И здесь функциональной амплитуде таких языковых единиц дается четкая характеристика.

Проблемы фразеологической ономазиологии — объект исследования в четвертой главе монографии (с. 118–161). Автора рецензируемой книги здесь интересуют ментально-психологические аспекты процессов фразообразования, ономазиологические механизмы воспроизводства фразеологических единиц в речи и объекты фразеологической номинации.

Глава 5 (с. 162–195) посвящена фразеологической идеографии. Определяются ее объект и задачи и предлагаются два варианта идеографической классификации фразеологических единиц. Первая строится индуктивно, на основе анализа языковых данных, вторая — дедуктивно, в ней задаются «сверху» два семантических поля: фразеология, характеризующая сферу человеческих эмоций, и фразеология, описывающая и оценивающая познавательную деятельность человека. В идеографическом аспекте рассматриваются основные семантико-грамматические разряды идиом — субстантивные и глагольные фразеологические единицы. Наконец, анализу подвергается общая идеографическая «триада»: фразеология, характеризующая различные психические функции человека; фразеология сферы человеческих эмоций; фразеология сферы когнитивной деятельности.

Подводя итоги, А.М. Эмирова формулирует несколько значимых теоретических положений, перспективных и для будущих исследований фразеологии, причем не только русской. Подчеркивая, что фразеологизмы призваны выражать оценочное отношение говорящего к сообщаемому, автор дифференцирует и характеризует разнообразные языковые средства, которые такое отношение эксплицируют: эмоционально-оценочные коннотации фразеологических единиц, их внутренняя форма, звукопись, интонационный рисунок и др., а также выделяет специальный разряд идиом с прагматическим значением — модальные и междометные единицы. «Основная масса идиом современного русского языка, — заключает А.М. Эмирова, — имеет признаковое, предикатное значение: они обозначают не предметы реальной действительности, а их признаки» (с. 197).

После общего обзора проблематики, освещенной в монографии А.М. Эмировой, остановимся на наиболее интересных и привлекательных моментах книги и проявляющихся в них особенностях исследовательской манеры и творческого характера автора.

Прежде всего отметим, что работа свидетельствует о начитанности и эрудированности автора (библиография насчитывает 405 наименований работ на русском и иностранных языках), ею активно используются данные сопредельных с лингвистикой наук: логики, психологии, нейрофизиологии и пр., различные словари и справочники, уместно и корректно приводятся суждения и материалы других ученых, ведется научная полемика.

Большого внимания заслуживают уже изложенные размышления А.М. Эмировой о специфике и структуре фразеологического значения. Представляя компоненты идиом как слова, обладающие особым, синсемантическим типом лексического значения, автор высказывает релевантное для теории фразеологии предположение, что фразеологическое значение категориально отличается от лексического, словообразовательного и грамматического, а использование коммуникативного подхода к фразеологической семантике позволяет А.М. Эмировой выделить ядро фразеологического значения — когнитивное, логико-предметное, сигнификативно-денотативное содержание (с. 58) и раскрыть понятие прагматического значения у идиом, состоящего из экспрессивного, апеллятивного и прочих компонентов.

К числу неоспоримых достоинств монографического исследования А.М. Эмировой необходимо отнести и идеографическую стратификацию идиом русского языка. Отметим, что подобное идеографическое описание русской фразеологии имеет не только теоретическую и практическую, но и общекультурную значимость, т.к. во фразеологической семантике в изобилии содержатся те знания и сведения об окружающей действительности, система ее оценок, которые представляют собой важную часть культурно-исторического опыта русского народа.

Успешным приемом идеографического описания фразеологии становятся выработанные автором два варианта модели ее характеристики: выделяются семантические группы фразеологизмов в пределах семантико-грамматических разрядов (субстантивных, глагольных) и комплексные фразеосемантические поля, при этом впервые в отечественном языкознании вычленяется и характеризуется поле когнитивной (познавательной) деятельности человека, включающее в свой состав около 400 языковых единиц.

Помимо основных теоретических положений и выводов крымского фразеолога следует обязательно отметить небольшие по объему, но интересные и содержательные штудии автора, особенно ярко выделяющиеся в корпусе монографии: таковы разделы о символической функции языковых единиц и иконических знаках (с. 49–51), о коннотации (с. 66–67) и др.

Жанр рецензии предполагает и характеристику спорных моментов и критические замечания. К дискуссионным, или скорее «пожелательным», можно отнести соображения, относящиеся к диахроническому аспекту анализа фразеологии.

Одна из проблем, которая проходит красной нитью через всю книгу А.М. Эмировой, — это проблема внутренней формы фразеологических единиц. Этот термин читатель найдет на многих страницах (с. 30, 31, 38, 41, 44, 49, 52, 53, 72–75, 104, 123, 126, 129, 130, 138–140, 146, 170, 184 и др.). «С помощью внутренней формы (и, следовательно, ассоциативного поля) фразеологизмов и их стилистической окраски, — справедливо подчеркивает автор, — могут симультанно выражаться все компоненты прагматического значения — экспрессивный, апеллятивный, фатический и эстетический» (с. 74). Связывается с внутренней формой также символическое значение фразеологических единиц, когда, оторвавшись от этимологического значения, они приобретают более абстрактный и широкий характер (с. 49). Характером внутренней формы объясняется и такое свойство фразеологических единиц, как дистантность, т.е. степень заинтересованности говорящего в сообщаемом, которая проявляется в особой эмоциональной окраске фразеологизмов

(с. 75). При этом внутренняя форма признается обязательным элементом ономазиологической структуры фразеологических единиц и — шире — пресуппозиции как фонда общих знаний (с. 123).

Обновление внутренней формы, способной создавать вокруг фразеологизмов образно-ассоциативные поля (с помощью различных приемов структурно-семантической трансформации), генерирует, по наблюдениям А.М. Эмировой, и эстетическую (гедонистическую) функцию, тесно связанную с функцией экспрессивного выражения. Это иллюстрируется яркими примерами творческих преобразований фразеологических единиц (с. 52–53, 74–75).

Принимая столь высокую оценку роли внутренней формы в многоаспектном функционировании фразеологических единиц, нельзя не заметить, что А.М. Эмирова при иллюстрации названных постулатов избегает примеров с затемненной и культурологически маркированной внутренней формой. А именно они создают ту когнитивную ауру, которая привлекает особое внимание как носителей языка, так и исследователей национальной фразеологии. В рецензируемой книге предлагаются в основном фразеологические единицы с прозрачной внутренней формой: *плыть по течению* (с. 129–130), *маменькин сынок*, *драная кошка*, *авгиевы конюшни*, *курам на смех* (с. 72) и подобные. Автор даже эксплицитно подчеркивает свое предпочтение такого материала: «Прозрачность семантики таких единиц поддерживается прозрачностью, живостью их внутренней формы — мотивирующих образов и представлений, общечеловеческих, знакомых носителям не только одного (например, русского), но и всех языков. Внутренняя форма выступает в этих случаях в качестве прогностического фактора, способствующего узнаванию и пониманию содержания таких фразеологических единиц и, следовательно, их правильному употреблению в речи» (с. 104).

Такой подход обусловлен, как кажется, интерпретацией внутренней формы как суммы слагаемых словесных компонентов фразеологических единиц, где значение каждого компонента при сложении образует фразеологическую семантику. Однако процесс фразеологизации более сложен: благодаря ему компоненты фразеологических единиц семантически интегрируются и нередко представляют собой многовекторный симбиоз, апеллирующий к экстралингвистической реальности.

От несколько примеров такого подхода.

В А.М. Эмирова пишет: «Именно образные представления житейского характера образуют внутреннюю форму основной массы исконно русской фразеологии: *выносить сор из избы*, *мокрая курица*, *стреляный воробей*, *как кошка с собакой*, *до последней нитки*, *как сапожник*, *рожки да ножки*, *тише воды*, *ниже травы* и др.» (с. 139–140). Первый пример кроме «житейского» характера имеет более «дальнобойную» лингвокультурологическую мотивировку. Выражение — осколок древнейшего совета, ставшего пословицей: *Сор из избы не выносить; Из избы сору не выноси*. Суеверные обычаи рекомендовали сжигать мусор в печи, а не выбрасывать его за порог, поскольку злой человек мог якобы наслать беду на хозяина избы, произнося особые слова над мусором. Это суеверие стало частью свадебного ритуала. В русских деревнях гости, пришедшие на свадьбу, испытывали терпение невесты тем, что заставляли ее мести избы и тут же бросали сор на подметенный ею пол. При этом гости приговаривали: «Мети, мети, да из избы не выноси, а сгребай под лавку да клади в печь, чтоб дымом вынесло». Позднее, освободившись от ритуальной окраски, этот совет приобрел переносный смысл: не разглашать семейных неурядиц, дразг и прочих неприятных «мелочей быта», которые могут быть использованы недоброжелателями во вред семье [12. С. 143]. Как видим, лингвокультурологический синтез важнее чисто «житейской» семантики освобождения от мусора. Не случайно в народной речи этот ритуальный фон упорно сохраняется: ср. актуальную запись псковских говоров в Латгалии: «Подметать можно, мусор с дому выносить нельзя, подмел где-нибудь в сторонку и все, пока покойник в доме» [13. С. 511]. И последний пример, *тише воды, ниже травы*, в ряду фразеологических единиц, приведенных

А.М. Эмировой, являет собой не простое сложение «бытовых» семантических ингредиентов, а более сложный симбиоз наших национальных фольклорных представлений [14. С. 244–248; 15. С. 38].

Аналогична в этом отношении и реконструкция внутренней формы выражения *хлеб насущный* с целью «выявления тех тонких ассоциаций по смежности, которые лежат в основе семантики этой фразеологической единицы». По мнению автора рецензируемой монографии, она «в русской языковой картине мира имеет следующую внутреннюю форму: хлеб как существенная часть и символ питания в целом» (с. 126). И здесь погружения во внутреннюю форму оборота, основанного лишь на семантике словесного компонента, недостаточно. Гораздо важнее его лингвокультурологическая сакральная маркировка, восходящая к молитве «Отче наш», приведенной в Евангелии (Мф. 6:11): «*Хлеб наш насущный* даждь нам днесь», т.е. «Хлеб, нужный для существования, дай нам на сей день». Этот источник семантизировал эту фразеологическую единицу во всех европейских языках [16. Т. 2. С. 196–198]. Более того, и в молитве символика выражения глубока: это и всякая пища, в том числе и духовная, и «сверхсуществующая» (ιερουστν) сила, постоянно подпитывающая нашу духовную жизнь на земле (επιουστν) [17. С. 86–87]. Как видим, расшифровка фразеологической единицы на основе значения слова *хлеб* как «символ питания в целом» не раскрывает всей семантической полифонии ее внутренней формы.

Опора преимущественно на лексическое значение приводит нередко к нивелировке существенных деталей для раскрытия внутренней формы фразеологической единицы. Такого же рода эта процедура в примере колористической фразеологии, приведенной в рецензируемой монографии. «Аналогичным образом можно реконструировать внутреннюю форму новых фразеологизмов с компонентом *черный*, — замечает по этому поводу А.М. Эмирова. — Так, в значении единиц *черные береты* ‘специальные войска США, предназначенные для проведения диверсионных операций в других странах и называемые так за их форму’ [18. С. 256], *черный дракон* ‘сель, грязевой поток’ [19. С. 248] — актуализировано основное значение лексемы *черный* — ‘цвета сажи, угля’. Потенциальная сема ‘имеющий отношение к нефти, нефтяной’, восходящая к основному значению, реализована в значении фразеологизма *черное золото* ‘нефть’ [19. С. 248]...» (с. 38). Фразеолог, неравнодушный к диахроническим нюансам исследуемого материала, легко заметит, что прилагательное *черный* в первом примере и в последнем — это, говоря фразеологически, «две большие разницы». Ведь первое выражение образовано по неологической интернациональной модели наименования соответствующих подразделений: *голубые береты* ‘воздушные десантники’, ‘обозначение солдат ООН’ (ср.: фр. *bérets bleus*); *зеленые береты* ‘военнослужащие войск особого назначения США’; *красные береты* ‘парашютисты армии Великобритании’. Более того, перифраза *черные береты* — с одной стороны, это синоним выражения *зеленые береты*, а с другой — обозначение бойцов нашего отечественного особого подразделения милиции — отрядов специального назначения (ОМОН), омовцев.

Оборот же *черное золото* — наследие более далекого (в том числе и советского) патетического прошлого, не имеющего тех социальных коннотаций, которые рождены цветом головных уборов соответствующих подразделений. Конечно, и «чернота» беретов, и чернота нефти имеют общий *tertium comparationis*. Но если первый ряд перифраз образован путем метонимического переноса, то *черное золото* — результат прямой апелляции к исходному цветообозначению. Как дьявол таится в деталях, так и механизм функционирования внутренней формы расшифровывается на основе детализированного анализа. Именно он позволяет добыть ценную лингвокультурологическую информацию, аккумулируемую фразеологизмами как в диахронической, так и в синхронической проекции.

Любопытное совпадение: в книге А.М. Эмировой, тщательно вычитанной и отредактированной, единственная опечатка обнаружена рецензентом именно в написании обсуждаемого частотного лингвистического термина: вместо *внутренняя форма* — *внутренняя ферма* («...дистантность,

проявляющаяся в особой эмоциональной окраске фразеологизмов, в характере их *внутренней фермы...*», с. 74). Ср. этимологию слова *ферма* от французского глагола *fermer* 'запирать'. Этот lapsus linguae, как кажется, случайно, но имплицитно отражает интерпретацию автором книги внутренней формы как суммы слагаемых компонентов фразеологической единицы.

Изложенное по поводу внутренней формы связано и с другим дискуссионным моментом, затронутым в рецензируемой монографии. Речь идет о значимости диахронической информации, кодируемой фразеологией, для характеристики «общего семантического пространства» этого особого уровня языковой системы. А.М. Эмирова, как кажется, такое пространство ограничивает по сравнению с лексикой. Причем ограничивает не только теоретически, но и практически, отводя фразеологическим единицам по сравнению с лексемами более скромное место. «Думается, что предложенное в лингвострановедении тематическое описание фразеологии не отражает всего семантического пространства, занимаемого фразеологией в семантической системе современного русского языка, и может в лучшем случае рассматриваться как материал, дополняющий тематическое членение лексики в диахронии (объект исторической лексикологии) и синхронии, — утверждает симферопольский фразеолог. — Семантическое пространство современной русской фразеологии, находящейся в отношениях дополнительности с лексикой, представляет, по нашему мнению, самодостаточную ценность, т.к. отражает в силу кумулятивного характера фразеологической семантики те коллективные знания о феноменах окружающей нас действительности и их интеллектуально-эмоциональную оценку, детерминированную социальной практикой людей, которые не всегда могут быть адекватно переданы лексическими средствами» (с. 169). Такое мнение расходится, как кажется, с взглядом основоположников отечественного лингвострановедения [20; 21], которые отводят фразеологии равное место наряду с лексикой не только в силу их кумулятивной функции, но и как номинативного пространства, пусть и имеющего свою специфику. Во фразеологии такой семантической спецификой является, как известно, категориальная экспрессивность. Место фразеологии «в лучшем случае как материала, дополняющего тематическое членение лексики в диахронии», отводимое этой дисциплине А.М. Эмировой, поэтому следует значительно расширить. Более того, такое расширение легко продемонстрировать и опытом лингвострановедения, на который ссылается автор книги. Так, пособие по русской фразеологии для иностранцев построено именно по синхронно-тематическому принципу, охватывая наиболее репрезентативные коммуникативные блоки [22; 23], а диахроническая информация лишь инкрустируется в комментариях к конкретным фразеологическим единицам.

На строго синхронном принципе построен и синонимический словарь русской фразеологии [24]. И дидактический, и лексикографический подходы к фразеологии тем самым позволяют восстановить почти равную локализацию фразеологии на оси «синхрония — диахрония», оспариваемую А.М. Эмировой. Между прочим, к такому выводу о балансе номинативной и коннотативной семантики фразеологической единицы сама автор книги приходит, «обращаясь к понятиям и категориям формальной аксиологии», которая «подкрепляет квалификацию основных семантико-грамматических разрядов идиом (глагольных, субстантивных, адъективных, адвербиальных) как бифункциональных языковых знаков, способных соотноситься с предметами объективной действительности и одновременно приписывать им какие-то признаки, характеризовать их в каком-то отношении» (с. 161).

Книга А.М. Эмировой, как видим, является целостным, обстоятельным и законченным исследованием, отличающимся самостоятельностью, комплексностью и разносторонностью анализа, творческим характером, богатством и широтой охвата изучаемого языкового материала. Автор полностью выполнила поставленные в начале работы цели и задачи. Книга симферопольского фразеолога, безусловно, имеет теоретическую и практическую ценность, значи-

тельно пополняет наши знания об идиомах русского языка. Наблюдения и выводы, сделанные А.М. Эмировой, найдут приложение при анализе фразеологических систем других языков, могут быть включены в общие лекционные и специальные курсы, учебные пособия по лексике и фразеологии. Результаты выполненного автором этой значимой монографии описания фразем в коммуникативно-прагматическом аспекте могут быть использованы и в преподавании русского языка в иностранной аудитории, в теории и практике общей и учебной фразеологии, перевода, культуры речи и др. Монография «Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении», несомненно, обогатит как серию ее уже известных специалистами трудов, так и арсенал фразеологических исследований в нашей стране и за рубежом.

Литература

1. Эмирова А.М. Фразеология сферы интеллектуальной деятельности // Вопросы русской и славянской фразеологии. Самарканд, 1978. С. 17–26.
2. Эмирова А.М. Структура и семантика фразеологического поля эмоций // Вопросы общего языкознания и структурно-типологического исследования языков. Самарканд, 1978. С. 46–52. (Труды Самаркандского государственного университета имени А. Навои. Новая серия. Вып. 349).
3. Эмирова А.М. К теоретическим основам фразеологической идеологии // Вопросы фразеологии. Самарканд, 1979. С. 50–61.
4. Эмирова А.М. Ономазиологическая характеристика основных семантико-грамматических разрядов русской фразеологии // Вопросы фразеологии русского языка. Самарканд, 1981. С. 4–15.
5. Эмирова А.М. К вопросу о номинативной сущности фразеологических предикатов // Вопросы языкознания. 1984. № 6. С. 114–118.
6. Эмирова А.М. Типология фразеологических предикатов (к постановке проблемы) // Исследования по семантике: семантика слова и фразеологизма. Уфа, 1986. С. 110–115.
7. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. Ташкент: Фан, 1988. 92 с.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
9. Телия В.Н. Фразеология // Русский язык: энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 609.
10. Адиле Эмирова: библиографический справочник: к 75-летию со дня рождения и 52-летию научной, педагогической и общественной деятельности. Симферополь: Крымучпедгиз, 2008. 114 с.
11. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. М., 1982. С. 89–98.
12. Мокшенко В.М. Загадки русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1990. 160 с.
13. Королёва Е.Е. Диалектный словарь староверов Латгалии. Т. 1: А – В. Рига: Институт староверия Латвии, 2017. 559 с.
14. Мокшенко В.М. Образы русской речи. М.: Изд-во ЛГУ, 1986. 278 с.
15. Фелицына В.П., Мокшенко В.М. Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М.: Русский язык, 1990. 222 с.
16. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском

References

1. Emirova A.M. Frazeologija sfery intellektual'noi deiatel'nosti // Voprosy russkoi i slavianskoi frazeologii. Samarkand, 1978. S. 17–26.
2. Emirova A.M. Struktura i semantika frazeologicheskogo polia emotsii // Voprosy obshchego iazykoznanii i strukturno-tipologicheskogo issledovaniia iazykov. Samarkand, 1978. S. 46–52. (Trudy Samar-kandskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. Navoi. Novaia seriia. Vyp. 349).
3. Emirova A.M. K teoreticheskim osnovam frazeologicheskoi ideografii // Voprosy frazeologii. Samarkand, 1979. S. 50–61.
4. Emirova A.M. Onomasiologicheskaja kharakteristika osnovnykh semantiko-grammaticheskikh razriadov russkoi frazeologii // Voprosy frazeologii russkogo iazyka. Samarkand, 1981. S. 4–15.
5. Emirova A.M. K voprosu o nominativnoi sushchnosti frazeologicheskikh predikatov // Voprosy iazykoz-nanii. 1984. No. 6. S. 114–118.
6. Emirova A.M. Tipologija frazeologicheskikh predikatov (k postanovke problemy) // Issledovaniia po semantike: semantika slova i frazeologizma. Ufa, 1986. S. 110–115.
7. Emirova A.M. Russkaia frazeologija v kommunika-tivnom aspekte. Tashkent: Fan, 1988. 92 s.
8. Teliia V.N. Russkaia frazeologija. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. Moscow: Shkola "Iazyki russkoi kul'tury", 1996. 288 s.
9. Teliia V.N. Frazeologija // Russkii iazyk: entsiklope-diia. Izd. 2-e, pererab. i dop. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1997. S. 609.
10. Adile Emirova: biobibliograficheskii spravochnik: k 75-letiiu so dnia rozhdeniia i 52-letiiu nauchnoi, peda-gogicheskoi i obshchestvennoi deiatel'nosti. Simferopol: Krymchupedgiz, 2008. 114 s.
11. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Natsional'no-kul'turnaia semantika russkikh frazeologizmov // Slovarei i lingvostranovedenie. Moscow, 1982. S. 89–98.
12. Mokienco V.M. Zagadki russkoi frazeologii. Moscow: Vysshiaia shkola, 1990. 160 s.
13. Koroleva E.E. Dialektnyi slovar' staroverov Latgalii. T. 1: A – V. Riga: Institut staroveriia Latvii, 2017. 559 s.
14. Mokienco V.M. Obrazy russkoi rechi. Moscow: Izd-vo LGU, 1986. 278 s.
15. Felitsyna V.P., Mokienco V.M. Russkie frazeo-logizmy: lingvostranovedcheskii slovar' / pod red. E.M. Vereshchagina, V.G. Kostomarova. Moscow: Russkii iazyk, 1990. 222 s.
16. Lepta bibleiskoi mudrosti: rusско-slavianskii slovar' bibleiskikh krylatykh vyrazhenii i aforizmov s sootvetstviiami v germanskikh, romanskikh, armianskom i gruzinskome iazykakh: v 2 t. / pod obshch. red.

и грузинском языках: в 2 т. / под общ. ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2019. Т. 1: А — О. 316 с.; Т. 2: П — Я. 336 с.

17. Колесов В.В. Нарушение стиля и разрушение смысла в современных переводах библейских текстов // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов: к 80-летию Русской / Северо-Западной Библейской Комиссии (1915–1995). СПб.: Петрополис, 1995. С. 81–105.

18. Новое в русской лексике: словарные материалы — 80 / В.П. Петушков, Т.Н. Поповцева, Н.В. Соловьев, М.Н. Судоплатова; под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1984. 286 с.

19. Новое в русской лексике: словарные материалы — 81 / Н.З. Котелова, Н.В. Соловьев, М.Н. Судоплатова и др.; под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1986. 288 с.

20. Верещагин Е.Г., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение и преподавание русского языка как иностранного. Изд. 3-е. М.: Русский язык, 1983. 269 с.

21. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1040 с.

22. Русская фразеология для немцев / Х. Вальтер, Т. Малински, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. СПб.: Златоуст, 2005. 230 с.

23. Русская фразеология для поляков / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, Е.А. Невзорова-Кмеч, Л.И. Степанова. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018. 232 с.

24. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: АСТ, 2009. 448 с.

Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтер. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2019. Т. 1: А — О. 316 с.; Т. 2: П — Я. 336 с.

17. Kolesov V.V. Narushenie stilia i razrushenie smysla v sovremennykh perevodakh bibleiskikh tekstov // Bibliia i vozrozhdenie dukhovnoi kul'tury russkogo i drugih slavianskikh narodov: k 80-letii Russkoi / Severo-Zapadnoi Bibleiskoi Komissii (1915–1995). St. Petersburg: Petropolis, 1995. S. 81–105.

18. Novoe v russkoi leksike: slovarnye materialy — 80 / V.P. Petushkov, T.N. Popovtseva, N.V. Solovyev, M.N. Sudoplatova; pod red. N.Z. Kotelovoi. Moscow: Russkii iazyk, 1984. 286 s.

19. Novoe v russkoi leksike: slovarnye materialy — 81 / N.Z. Kotelova, N.V. Solovyev, M.N. Sudoplatova i dr.; pod red. N.Z. Kotelovoi. Moscow: Russkii iazyk, 1986. 288 s.

20. Vereshchagin E.G., Kostomarov V.G. Iazyk i kul'tura: lingvostranovedenie i prepodavanie russkogo iazyka kak inostrannogo. Izd. 3-e. Moscow: Russkii iazyk, 1983. 269 s.

21. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Iazyk i kul'tura: tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, rechepovedencheskikh taktik i sapientemy. Moscow: Indrik, 2005. 1040 s.

22. Russkaia frazeologija dlia nemtsev / H. Walter, T. Malinski, V.M. Mokienko, L.I. Stepanova. St. Petersburg: Zlatoust, 2005. 230 s.

23. Russkaia frazeologija dlia poliakov / H. Walter, V.M. Mokienko, E.A. Nevzorova-Kmecz, L.I. Stepanova. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018. 232 s.

24. Birikh A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo iazyka. Moscow: AST, 2009. 448 s.

Мокиенко Валерий Михайлович,
доктор филологических наук, профессор
кафедры славянской филологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Mokienko Valery M.,
Doctor of Philology, Professor of the
Slavic Philology Department
St. Petersburg State University

e-mail: mokienko40@mail.ru

